

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ЭПОХУ НОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

А. В. Курочкин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье рассматриваются основные тренды трансформации современных систем государственного управления под воздействием факторов так называемой новой глобализации и четвертой промышленной революции, к которым автор относит: развитие блокчейн-технологий, транснационализацию экономики, интернетизацию производства, выражающуюся в формировании киберфизических производственных систем, кардинальное изменение рынка труда и структуры занятости в целом, распространение сетевых моделей корпоративного и государственного управления, а также усложнение социально-политических коммуникаций. Все эти факторы являются серьезными вызовами и одновременно дают широкие возможности для обновления систем государственного управления и роста национальных экономик. Синергетическая методология, которая рассматривает системы различной природы, находящиеся в неравновесных состояниях, постулирует возможность качественных переходов таких систем с затратой существенно меньшего объема энергии и ресурсов, нежели в рамках классической парадигмы поступательного, линейного развития. Характер новой глобализации определяет состояние государственного управления именно как неравновесное и крайне нестабильное, отсюда появляется возможность совершения качественных скачков в их развитии при условии точного приложения имеющихся у государства ограниченных ресурсов. Такими точками приложения, способными обеспечить динамичное развитие и глобальную конкурентоспособность, выступают новая образовательная политика и политика занятости, инновационная стратегия развития, а также структурная перестройка самой системы государственного управления. Именно они в наибольшей степени способствуют преодолению ключевых вызовов новой глобализации: девальвации трудовой деятельности, резкого сокращения рабочих мест, социальной разобщенности и фрагментированности, цифрового разрыва между различными территориями и социальными группами.

Ключевые слова: глобализация, государственное управление, цифровая экономика, блокчейн-технологии, дигитализация, общественное управление, публичный менеджмент, Индустрия 4.0, четвертая промышленная революция.

Динамичные изменения, происходящие сегодня во всех сферах социальной жизни, приобретают невиданные ранее масштабы. В течение последних 10–15 лет коренным образом трансформируются производственные отношения,

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00792 «Оценка социально-политических эффектов новых технологий городского развития в контексте современного этапа административной реформы РФ».

темпы технологического развития, структура занятости, потребности рынка труда, система социальных координат, функции и место политической власти и государства в экономике и общественных отношениях. Успеть за колоссальными потоками постоянно обновляемой информации практически невозможно. Еще более сложно управлять ими, учитывая чрезвычайно запутанные глобальные информационные связи, децентрализованный характер сетевой власти, постоянно меняющийся баланс соотношения регионального, национального и глобального компонентов управления. В этом контексте неизбежной ревизии подвергается и сам процесс глобализации как один из ключевых факторов трансформации роли, масштабов и способностей национального государства и надгосударственных политико-административных структур в современном мире. Не случайно старожил российской политической сцены Г. А. Явлинский в одной из последних статей акцентирует внимание именно на объективных изменениях природы глобализации, которая «приобрела более хаотичный, менее управляемый, а во многих случаях — и откровенно дезорганизирующий характер, когда стихийно возникающие потоки людей, капиталов и технологий не позволяют национальным правительствам держать под контролем на очень широких социальных пространствах ситуацию с занятостью, доходами, с господствующими ожиданиями и настроениями» (Явлинский, 2017, с. 133).

В последние годы в исследованиях ведущих экономистов и социологов все чаще встречается термин «новая глобализация» как антитеза традиционно трактуемой глобализации, в основе которой лежат процессы распространения товаров, услуг и технологий по всему миру, ускоряющиеся за счет снижения торговых издержек и взаимного роста прямых иностранных инвестиций.

Ричард Болдуин, один из авторов концепции новой глобализации, в работе «Великая конвергенция: информационные технологии и новая глобализация» предложил в качестве определяющего критерия различения старой и новой глобализаций использовать так называемый процесс разъединения.

Первое разъединение, по сути давшее старт процессу глобализации, относится к 1820-м гг., когда за счет появления машинного производства и новых средств транспортировки товаров произошло разделение процессов производства и потребления: «Процесс совершенствования транспортных технологий дал толчок промышленной революции, а затем сам поддерживался ею» (Болдуин, 2018, с. 18).

Второе разъединение, по мнению Болдуина, это международное разъединение промышленных предприятий, произошедшее в конце 1990-х гг., когда «революция в сфере ИКТ (информационно-коммуникационных технологий. — А. К.) радикально снизила цену перемещения идей» (Болдуин, 2018, с. 19). Следствие этого — массовый перенос производств в страны с более дешевой рабочей силой, куда одновременно (и неизбежно) стали поступать и новые технологии. Развитие интернет-сервисов сделало процесс перемещения идей почти мгновенным и почти бесплатным. По мнению Болдуина, мы находимся в начале процесса третьего разъединения, которое «позволит отделить в буквальном смысле процесс труда от самих трудящихся», т. е. речь, по сути, идет о «трудящихся одной страны, предоставляющих (дистантно. — А. К.) услуги

другой стране (включая услуги, требующие сегодня физического присутствия)» (Болдуин, 2018, с. 25). Пока это третье разъединение выглядит фантастическим, однако определенные шаги в данном направлении уже делаются (в частности, связанные с развитием телеробототехники).

Уже сегодня, на этапе перехода от второго к третьему разъединению, можно указать на вполне определенные отличительные черты новой глобализации:

- глобализация распространяется не только на отраслевой уровень, она «затрагивает стадии производства и конкретные профессии», в результате чего «влияние новой глобализации становится индивидуальным в том смысле, что выигравшие и проигравшие работники более не группируются по отраслям или профессиям... поэтому точно спрогнозировать, какие именно профессии и операции в будущем станут лишними, практически невозможно» (Болдуин, 2018, с. 27);
- влияние всей совокупности факторов, относимых к новой глобализации, приобрело значительно более непредсказуемый и менее управляемый характер; «экспоненциальный рост сферы ИКТ способен за считанные месяцы сделать обыденными самые невероятные вещи» (Болдуин, 2018, с. 27);
- новая глобализация перенесла центр тяжести мировой экономики на плечи транснациональных корпораций, которые «управляют международными производственными сетями и... лишают национальные экономики их сравнительных преимуществ» (Болдуин, 2018, с. 27);
- новая глобализация перенесла фокус технологического развития производителей товаров и услуг с национального на наднациональный уровень, сделав потенциальными выгодоприобретателями от продуцирования инноваций и внедрения новых технологий в корпорациях страны А жителей стран В или С;
- в процессе новой глобализации конкурентоспособность перестала быть национальным качеством;
- наконец, новая глобализация кардинально поменяла представление о значении расстояний и прочих географических факторов; несмотря на то что затраты на информационный обмен стремятся сегодня к нулю, физическое перемещение рабочей силы в пространстве остается весьма дорогостоящим процессом, и фактор географической близости к центрам, продуцирующим новые технологии, по-прежнему играет значительную роль.

В таких условиях ключевое значение для глобальной конкурентоспособности экономик и дальнейшего роста качества жизни приобрела динамика реализации четвертой промышленной революции, или программы технологического развития «Индустрия 4.0».

В общем смысле четвертая промышленная революция связана с глубокой интеграцией информационно-коммуникационных систем в процесс производства товаров (создания киберфизических производственных систем) прежде всего на основе использования искусственного интеллекта и так называемой

технологии Интернета вещей, ведущей к возникновению автономной интеллектуальной сети, способной контролировать процесс выпуска продукции по всей производственной цепочке (в корпоративном управлении это связывают в первую очередь с реализацией технологии *Supply Chain Management*, SCM).

Практика реализации четвертой промышленной революции достаточно разнообразно и широко представлена в странах с наибольшим инновационным потенциалом и развитой цифровой экономикой. Общемировой объем инвестиций в развитие технологий «Индустрии 4.0», по оценкам экспертов консалтинговой компании PWC, уже к 2020 г. составит до 907 млрд долларов в год (Россия 4.0..., 2018). Признанный лидер в этом процессе — Германия, где еще в 2012 г. в рамках «Стратегии развития новых технологий — 2020» была инициирована государственная программа «Индустрия 4.0», предполагающая полную интернетизацию производства к 2030 г. В результате ее реализации в стране был создан современный аналог американской Кремниевой долины — *Intelligent Technical Systems OstWestfalenLippe*. Сам термин «Индустрия 4.0» также возник в Германии во время проведения Ганноверской промышленной ярмарки 2011 г.

В США в рамках соответствующей политики развития индустриального Интернета вещей и цифровизации экономики была создана сетевая структура «Коалиция лидеров умного производства», объединившая государственных акторов, бизнес и наиболее авторитетные научные центры страны. Ведущие американские IT-корпорации выступили с инициативой создания «Консорциума промышленного Интернета», который объединил более 170 компаний. Таким образом, американская модель развития «Индустрии 4.0» тяготеет к созданию партнерских сетей и консорциумов, а не к разработке и внедрению государственных программ и стратегий.

Россия, несмотря на то что ее доля в мировом рынке высокотехнологичных услуг составляет пока менее 1 %, не остается в стороне от реализации аналогичных проектов. Сегодня российская модель «Индустрии 4.0» может быть определена как гибридная, т. е. совмещающая создание консорциумов с разработкой и реализацией государственных программ. В первую очередь, здесь можно вспомнить создание по инициативе крупнейших технологических корпораций «Роскосмоса» и «Ростелекома» Ассоциации содействия развитию промышленного Интернета. Процесс институционализации новой технологической политики связан прежде всего с разработкой и утверждением Правительством РФ в июле 2017 г. государственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», а также первой дорожной карты Национальной технологической инициативы (Технет).

Следствием такой политики стало поступательное повышение позиций России в рейтинге глобальной конкурентоспособности (*Global Competitiveness Index*), представленном Всемирным экономическим форумом, где она в 2017–2018 гг. заняла 38-е место, поднявшись на пять пунктов и обогнав такие крупные экономики, как Индия, Аргентина, Бразилия, Италия и пр. (*Global Competitiveness Index 2017–2018...*, 2018).

Однако при всей привлекательности роста технологической конкурентоспособности и снижения производственных издержек новая промышленная революция таит больше опасностей и вызовов, чем все предыдущие. Главный социальный вы-

зов здесь — минимизация присутствия, а в перспективе фактическое отсутствие человека в процессе производства. Все это, безусловно, значительно быстрее, чем 5–10 лет назад, меняет систему занятости, характер трудовых отношений, востребованность на рынке туда тех или иных компетенций: «Вместо стандартизации и унификации, характерных для трудовых отношений в индустриальной экономике, все большее развитие получают дестандартизация труда, непостоянный найм, субсидируемый трудовой договор, развитие гибких форм занятости. Трудовая деятельность все активнее начинает обретать дискретность, распадаясь на сферы строгой регламентации и возможной вариативности» (Абсалямова, Абсалямов, 2016, с. 23). Ключевыми социальными проблемами становятся рост безработицы и необходимость адаптации рабочих кадров к новой структуре занятости.

Не случайно возникло и получило распространение определение нового типа цифрового общества как «посттрудового общества», отличительными чертами которого являются:

- девальвация трудовой деятельности с точки зрения общественной ценности (распространение таких «бесполезных» для общественного благосостояния форм занятости, как криптомайнинг, интернет-коучинг, виртуальные игропрактики, всевозможные виды ресейлинга и пр.);
- рост неустойчивой занятости (поиск кратковременных подработок на краудворкинг-платформах);
- резкое сокращение рабочих мест, требующих средней квалификации, которые в первую очередь могут быть заменены роботизированными системами, связанными через Интернет; по данным *PriceWaterhouseCoopers*, автоматизация и, соответственно, сокращение рабочих мест в ведущих экономиках мира составят к 2030 г. в США — 38 %, в Германии — 35 %, в Японии — 21 %, в Великобритании — 30 % (Садовая, 2018);
- разобщенность и социальная фрагментированность нового класса трудящихся, своеобразного антипода пролетариата, именуемого «прекариат» (Г. Стэндинг).

Таким образом, можно согласиться с тем исследователями, которые полагают, что «новая цифровая экономика преобразует и человека, и общество в “общество за пределами труда”» (Садовая, 2018, с. 12).

Адекватным ответом государства на социальные вызовы новой глобализации должна стать разработка стратегии новой образовательной политики и политики занятости. Четкие контуры этой стратегии обрисовать достаточно сложно, однако определенно можно говорить о ее гибком, адаптивном и распределенном (сетевом) характере, а также компетентностной индивидуализации в процессе подготовки специалистов и повышения их квалификации. Важно также отметить необходимость наполнения данной стратегии большим социогуманитарным содержанием, что должно сбалансировать лавинообразно растущую технократизацию и виртуализацию образования на всех уровнях.

Еще одна задача — разработка и реализация новой модели государственной инновационной политики, отвечающей современным вызовам и требованиям четвертой промышленной революции. Эта модель основывается на домини-

ровании координационной функции государства в управлении инновационным развитием и поэтому может быть названа координационной. В качестве ее базовых предпосылок обозначим следующие:

- формирование виртуальных систем обмена передовым опытом инновационного развития (бенчмаркинг), создание краудсорсинговых платформ открытых баз данных по инновациям (в отраслевом и территориальном срезе), а также стимулирование участия бизнеса в работе такого рода платформ;
- создание гибкой институциональной среды, которая обеспечила бы процесс сотрудничества представителей различных отраслей производства и агентов управления, задействованных в инновационном процессе; эта предпосылка реализуется посредством изменения структуры нормативной базы и правоприменительных практик, учреждения или ресурсного стимулирования деятельности организаций посредников или акселераторов инновационной деятельности, эффективного сотрудничества государства и бизнеса на региональном, национальном и глобальном уровнях;
- выравнивание инфраструктурных условий инновационной деятельности на уровне отдельных регионов и муниципалитетов (обеспечение доступа к высокоскоростному Интернету, актуализация стандартов подготовки специалистов, внедрение блокчейн-технологий, интернетизация производства и т. д.);
- разработка концепции новой образовательной политики, которая должна, во-первых, соответствовать задачам и целям инновационного развития (т. е. быть направленной на формирование инновационных установок в обществе, разработку и научение новым методам поиска, обработки и анализа информации, трансляцию мирового и отечественного опыта инновационного развития и т. д.), а во-вторых, решать задачу преодоления когнитивного рассогласования в ходе продуцирования нового знания;
- содействие развитию кроссрегиональных и глобальных инноваций за счет формирования сетей инноваторов (активно обменивающихся результатами НИОКР и использующих сети для оптимизации маркетинга продукции), которые смогут заместить традиционные территориальные кластеры (Курочкин, 2018).

Одним из столпов разрабатываемой инновационной политики (а по некоторым оптимистическим оценкам — и основой социального переустройства мира в условиях новой глобализации) выступают блокчейн-технологии. Их ключевая социальная и политическая функция заключается не столько в реализации быстрых и дешевых транзакций, сколько в обеспечении эффективного механизма доверия между контрагентами, который, собственно, и определяет распределенный реестр: «В цифровом мире XXI столетия, когда многие сообщества формируются виртуально, вне государственных границ и местных юрисдикций, старые институты и критерии, которыми мы пользовались для установления истины, уже не выполняют своих функций» (Винья, Кейси, 2018, с. 51). В таких условиях, по словам Т. Тильмана, «нам необходима общая реальность, которую признает каж-

дый. Как и во всех развитых странах, у нас есть институты, которые отвечают за установление и подтверждение фактов, но сейчас эти институты находятся под угрозой исчезновения... Блокчейн дает нам шанс остановить их распад и создать новое поле взаимодействия, где все мы сможем выверить и подтвердить ключевой набор фактов, обеспечив при этом конфиденциальность сведений, которые не должны быть общедоступны» (цит. по: Винья, Кейси, 2018, с. 53). Важно, что блокчейн-технологии не являются неким искусственным протезом, заменяющим старую институциональную структуру, они формируют разделяемое всеми контрагентами информационное пространство или поле истории, изменить содержание которого чрезвычайно сложно (Винья, Кейси, 2018, с. 53).

Таким образом, основная задача, решаемая блокчейном в аспекте разработки и реализации координационной модели инновационной политики, заключается в значительном сокращении транзакционных издержек на процесс обеспечения и координации информационных обменов.

Апологеты блокчейна уверены в довольно идеалистическом результате цифровой революции, при котором «блокчейн может подарить... архитектуру... которая соединит “биты и атомы” и будет развиваться за счет массивов глобальной информации. Это наконец сделает возможным “Интернет открытых данных”... неограниченный доступ к данным должен помочь человечеству найти коллективные решения многочисленных проблем, повысить качество производства и эффективность труда» (Винья, Кейси, 2018, с. 72).

Обеспечение общественного доверия и гарантий истинности информации имеет прямое отношение к одной из ключевых проблем эпохи четвертой промышленной революции, а именно к проблеме безопасности информации и прежде всего кибербезопасности, решение которой в ближайшей перспективе также, скорее всего, будет связано с переходом «от так называемой централизованной модели доверия к децентрализованной модели» (Винья, Кейси, 2018, с. 59), основанной на принципах распределенного реестра. Такой вывод определяется тем, что, «в отличие от других видов программного обеспечения, для которых кибербезопасность — внешняя надстройка, блокчейн-системы обеспечивают безопасность в силу собственной архитектуры» (Винья, Кейси, 2018, с. 65).

Однако и блокчейн-технологии, и новую модель инновационной политики в целом следует рассматривать скорее как мегаресурс, успешное применение которого будет зависеть от выбора парадигмы развития, определяющей время и место применения этого ресурса. Доминирующая сегодня рационально-технократическая парадигма, постулирующая принцип развития ради самого развития, не может быть признана достаточной в перспективе новой глобализации.

Напротив, синергетическая парадигма, несмотря на то что популярность ее в последние годы несколько угасла, кажется весьма адекватным методологическим базисом для формулирования и реализации политических стратегий национальных государств в условиях цифровой экономики и новой глобализации.

Первая предпосылка к использованию такой парадигмы, представляющаяся важной, — отказ от простых сценариев и попыток навязывания стратегий

развития социальных и экономических систем, а также признание неустойчивости и сложности в качестве объективных условий управленческой деятельности как в бизнесе, так и в сфере государственной политики.

Вторая предпосылка — использование неравновесного состояния систем как возможности их быстрого перехода в качественно иное состояние, обеспечиваемое продуманным распределением управленческого воздействия по тем сферам (отраслям), которые способны дать кумулятивный результат, значительно превосходящий затрачиваемые ресурсы (Курочкин, Еремеев, 2014).

Учитывая эти две базовые предпосылки, можно сформулировать систему условий эффективности управленческой деятельности в рамках синергетической стратегии развития, к которым, в частности, относятся:

- актуализация чувствительности к начальным условиям, заключающаяся в выделении особой траектории развития организации (наибольшее внимание уделяется «личной» истории организации);
- необходимость отказа от искусственного навязывания направлений развития сложноорганизованных систем;
- определение эффективности процесса управления путем анализа качественного распределения управленческого воздействия (конфигурации административного воздействия), а не путем оценки затраченных ресурсов;
- актуализация значения механизмов положительной обратной связи, приводящих к так называемым режимам с обострением;
- учет в управленческой деятельности множественности потенциальных сценариев развития сложноорганизованных систем (для эффективного управления принципиально важно учитывать максимальное количество такого рода сценариев или моделей) (Курочкин, 2000);
- распределенный характер политической власти, создающий особые условия политического управления, при которых «лицам, определяющим политический курс, становится все труднее реализовывать необходимые изменения... их полномочия сдерживаются конкурирующими центрами власти, имеющими транснациональный, региональный, местный и даже личный характер. Структуры микровласти в настоящее время способны оказывать сдерживающее воздействие на структуры макровласти, такие как государственные правительства» (Шваб, 2018, с.85).

Таким образом, учет этих условий эффективности в разработке политических стратегий на всех уровнях управления позволит сформировать предпосылки устойчивого инновационного развития в контексте вызовов новой глобализации.

Важно, что разработка и реализация этих политических стратегий будут зависеть и от обновления структуры самой системы государственного управления. В первую очередь следует обратить внимание на сетевой и коллаборативный характер современного управленческого процесса. Согласно Марку Бевиру, коллаборативное управление «является интерактивным процессом, в котором совместно участвует множество акторов с различными интересами,

знаниями и точками зрения... оно отличается от «общегосударственного» подхода тем, что оно включает в процесс выработки политики группы граждан, а не только различные государственные агентства и службы» (Бевер, 2015, с. 141).

В результате эффективность ответа системы государственного управления на социально-экономические, политические и гуманитарные вызовы новой глобализации и четвертой промышленной революции будет зависеть от ее способности обеспечить адекватную меняющейся конъюнктуре рынка труда систему подготовки специалистов, политику занятости с высоким горизонтом планирования, дифференциацией по отраслям и кластерам производства, а также стратегию инновационного развития, минимизирующую транзакционные издержки. Все это обуславливает необходимость структурной перестройки государственной власти, которая вынуждена становиться более гибкой, распределенной как по горизонтали, так и по вертикали, постепенно превращаться в национальные или региональные «хабы» глобальной сети принятия управленческих решений.

Литература

Абсалямова С., Абсалямов Т. Четвертая промышленная революция: трансформация содержания труда и трудовых отношений // Наука и мир. 2016. № 2. С. 23–24.

Бевер М. Управление: очень краткое введение М.: Дело, 2015. 160 с.

Болдуин Р. Великая конвергенция: информационные технологии и новая глобализация. М.: Дело, 2018. 416 с.

Винья П., Кейси М. Машины правды. Блокчейн и будущее человечества М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 320 с.

Курочкин А. В. Синергетическая концепция государственного управления // Сравнительное государственное управление: теория, реформы, эффективность / под ред. Л. В. Сморгунова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2000. С. 18–29.

Курочкин А. В. Инновационная публичная политика в условиях цифровой экономики // Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие: коллективная монография. М.: Аспект-Пресс, 2018. С. 208–223.

Курочкин А. В., Еремеев С. Г. Современные теории государственной политики и управления. СПб.: РХГА, 2014. 188 с.

Россия 4.0: четвертая промышленная революция как стимул глобальной конкурентоспособности. URL: <https://tass.ru/pmef-2017/articles/4277607> (дата обращения: 10.12.2018).

Садовая Е. С. Человек в цифровом обществе: динамика социально-трудовых отношений // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. № 3. С. 6–20.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Изд-во «Э», 2018. 208 с.

Явлинский Г. А. Потеря будущего // ПОЛИС. Политические исследования. 2017. № 5. С. 133–155.

Global Competitiveness Index 2017–2018. URL: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index-2017–2018/competitiveness-rankings> (дата обращения: 10.12.2018).

Курочкин Александр Вячеславович — д-р полит. наук, проф.; alexkur@bk.ru

Статья поступила в редакцию: 1 декабря 2018 г.;

рекомендована в печать: 14 декабря 2018 г.

Для цитирования: Курочкин А. В. Государственное управление в эпоху новой глобализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15, № 1. С. 77–87.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.106>

PUBLIC GOVERNANCE IN THE ERA OF NEW GLOBALIZATION*

Alexander V. Kurochkin

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia; alexkur@bk.ru

The article deals with the main trends in the transformation of modern systems of public governance under “New globalization” and the Fourth industrial revolution, which implies the development of blockchain technologies, the transnationalization and internetization of production expressed in the formation of cyber-physical production systems, a radical change in the labour market and the structure of employment in general, the spread of network models of corporate and public governance, as well as the complexity of socio-political communications. All these factors both present serious challenges and provide a wide range of opportunities for the renewal of national public governance systems. The synergetic methodology, which considers systems of different nature in non-equilibrium states, postulates the possibility of qualitative transitions of such systems at a cost of significantly less energy and resources than within the classical paradigm of progressive, linear development. The nature of “New globalization” defines the modern public governmental systems as non-equilibrium and extremely unstable, hence the possibility of making qualitative leaps in their development, provided precise application of the limited resources available to the national states. Such points of application, which can ensure dynamic development and global competitiveness, are the new education and employment policy, an innovative development strategy and the structural transformation of the system of public governance. They are the ones that most contribute to overcoming the key challenges of the new globalization: the devaluation of labor, the sharp decline in jobs, social disunity and fragmentation, the digital divide between different territories and social groups.

Keywords: globalization, public governance, digital economy, blockchain technologies, digitalization, co-governance, public management, Industry 4.0, fourth industrial revolution.

References

- Absaliyeva S., Absaliyev T. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya: transformatsiya soderzhanii truda i trudovykh otnoshenii [The fourth industrial revolution: transformation of labour and labour relations]. *Nauka i mir*, 2016, no. 2, pp. 23–24. (In Russian)
- Bevir M. *Upravlenie: ochen' kratkoe vvedenie* [Governance: very short introduction]. Moscow, Delo Publ., 2015. 160 p. (In Russian)
- Bolduin R. Velikaia konvergentsiya: informatsionnye tekhnologii i novaia globalizatsiya. [The great Convergence: Information Technology and the New Globalization]. Moscow, Delo Publ., 2018. 416 p. (In Russian)
- Global Competitiveness Index 2017–2018*. Available at: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index-2017-2018/competitiveness-rankings/> (accessed: 10.12.2018).
- Iavlinskii G. A. Poteria budushchego [Loss of Future]. *POLIS. Politicheskie issledovaniia*. 2017, no. 5, pp. 133–155. (In Russian)
- Kurochkin A. V. Innovatsionnaya publichnaya politika v usloviakh tsifrovoy ekonomiki [Innovation public policy in conditions of Digital Economy]. *Publichnaya politika: Instituty, tsifrovizatsiya, razvitiye: Kollektivnaya monografiya* [Public Policy; Institutions, Digitalization, development]. Moscow, Aspekt-Press, 2018, pp. 208–223. (In Russian)
- Kurochkin A. V. Sinergeticheskaya kontseptsiya gosudarstvennogo upravleniya [Synergetic conception of Public Governance]. *Sravnitel'noe gosudarstvennoe upravlenie: teoriya, reformy,*

* The study was supported by the RFBR grant No. 19-011-00792 “Assessment of the social and political effects of new urban development technologies in the context of the current stage of the administrative reform of the Russian Federation”.

effektivnost [Comparative Public Governance: theory, reforms, effectiveness]. Ed. by L. V. Smor-gunov. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2000, pp. 18–29. (In Russian)

Kurochkin A. V., Ereemeev S. G. *Sovremennye teorii gosudarstvennoi politiki i upravleniia* [Modern theories of Public policy and Governance]. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2014. 188 p. (In Russian)

Rossiiia 4.0: chetvertaia promyshlennaia revoliutsiia kak stimul global'noi konkurentosposobnosti [Russia 4.0; The Fourth industrial revolution as an incentive of Global Competitiveness]. Available at: <https://tass.ru/pmef-2017/articles/4277607> (accessed: 10.12.2018). (In Russian)

Sadovaia E. S. Chelovek v tsifrovom obshchestve: dinamika sotsial'no-trudovykh otnoshenii [Man in Digital Society: Dynamic of Social-Labour relations]. *Iuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk*, 2018, no. 3, pp. 6–20. (In Russian)

Shvab K. *Chetvertaia promyshlennaia revoliutsiia* [The Fourth industrial revolution]. Moscow, “E” Publ., 2018. 208 p. (In Russian)

Vin'ia P., Keisi M. *Mashiny pravdy. Blokchein i budushchee chelovechestva* [The Truth Machine: The Blockchain and the Future of Everything]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2018. 320 p. (In Russian)

Received: December 1, 2018

Accepted: December 14, 2018

For citation: Kurochkin A. V. Public Governance in the Era of New Globalization. *Political Expertise: POLITEX*, 2019, vol. 15, no. 1, pp. 77–87. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.106> (In Russian)